

УДК 324

Персонализация избирательного процесса как конкурентный ресурс парламентской оппозиции в электоральном процессе региона (на примере выборов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре 2011 г.)

Мархинин Василий Васильевич

Кандидат ф. наук, доцент,
кафедра политико-правовых дисциплин,
Сургутский государственный университет,
628412, Российская Федерация, Сургут, ул. Энергетиков 8;
e-mail.ru: textref@rambler.ru

Пуртова Виктория Сергеевна

Старший преподаватель,
кафедра политико-правовых дисциплин,
Сургутский государственный университет,
628412, Российская Федерация, Сургут, ул. Энергетиков 8;
e-mail.ru: viktoriya-purtova@yandex.ru

Утенкова Виктория Юрьевна

Член молодежного отделения Российского общества политологов;
e-mail: viktoriya-utenkova@mail.ru

Ушакова Надежда Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра политико-правовых дисциплин,
Сургутский государственный университет,
628412, Российская Федерация, Сургут, ул. Энергетиков 8;
e-mail.ru: ushakova_nv@rambler.ru

Аннотация

В представленной статье исследуется вопрос о влиянии персонализированного участия партий парламентской оппозиции в избирательном процессе на их успех в полити-

ческой конкуренции на выборах регионального парламента и Государственной Думы. В статье рассматриваются особенности результатов, полученных партиями «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР в ходе региональных и федеральных выборов в муниципалитетах, где эти партии сумели сформировать свой депутатский корпус в ходе выборов местных представительных собраний. Материал для анализа обозначенной проблемы был получен в ходе сплошного исследования избирательных кампаний в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2011 году.

Для цитирования в научных исследованиях

Мархинин В.В., Пуртова В.С., Утенкова В.Ю., Ушакова Н.В. Персонализация избирательного процесса как конкурентный ресурс парламентской оппозиции в электоральном процессе региона (на примере выборов в Ханты-Мансийском автономном округе 2011 г.) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 6А. С. 214-229.

Ключевые слова

Парламентская оппозиция, персонализация избирательного процесса электоральный успех, местные выборы, региональные выборы, избирательный процесс.

Введение

Персонализация избирательного процесса – один из долгосрочных трендов развития политической системы постсоветской России. Суть этого феномена заключается в эволюции политической конкуренции в сторону ее превращения в процесс состязания деятелей, стремящихся привлечь поддержку избирателя, демонстрируя свой личный управленческий опыт, общественный авторитет и, если это возможно, персональное обаяние. Политик, стремящийся преуспеть на этом пути, более или менее дистанцируется от программной платформы политической партии, а часто отказывается и от определенной идеологической самоидентификации. Смещение логики конкурентного процесса в этом направлении было задано различными фундаментальными факторами. Первым из них (в историческом плане) стала дискредитация партийной идеологии как таковой, обусловленная многолетним банкротством КПСС в ходе горбачевской перестройки, следующий серьезный шаг в этом направлении – сужение поля деятельности партий, предусмотренное конституцией 1993 года [Куцев, 2011]. Вплоть до реформы, установившей пропорциональный принцип формирования общенационального парламента, феномен персонализации наблюдался на всех уровнях электорального процесса. Консолидация элит, сгруппировавшихся вокруг «партии власти», потребовала нового институционального оформления; этот запрос и воплотил в жизнь упомянутую реформу: консенсус по поводу поддержки «партии власти» (не всегда вполне добровольный) был обеспечен, в частности, сокращением поля для политических маневров. Отныне участнику политического

пространства предлагалось вступить в одну из немногочисленных аффилированных сложившимся политическим строем структур (системных партий), выстроенных в иерархию [Гельман, 2008], определяющую порядок и масштаб доступа к властным ресурсам. Эта стратегия была вполне реализована лишь на уровне федерального парламента. Тем не менее предпринимались определенные попытки распространить ее и на низшие этажи партийно-избирательной системы. Ради этой цели роль элементов пропорциональной системы, отсекавшей беспартийных кандидатов и кандидатов от несистемных партий, усиливалась на уровне регионов (некоторые региональные парламенты стали избираться исключительно по партийным спискам) и на уровне муниципалитетов (на выборах крупных муниципальных собраний внедрялись элементы пропорциональной системы). В целом эти попытки оказались неудачными, и упомянутые начинания были свернуты. На местном и региональном уровнях партизация политической системы имела по большей части формальный и наносной характер; в своей основе политическая конкуренция на этих уровнях всегда оставалась персонализированной.

Упомянутая выше попытка партизации политической системы в итоге стала вторым фундаментальным фактором персонализации политической конкуренции. Реформы партийной и избирательной систем 2000-х годов привели к глубокой деградации партий, занявших нижние этажи политической иерархии: фактически полноценные возможности политической карьеры оказались открыты лишь для тех, кто сумел обеспечить себе место в рядах «партии власти»; на порядок меньшие возможности существовали для тех, кто связал себя с партиями парламентской оппозиции. Руководящие структуры этих партий были законсервированы, а их лидеры, изрядно надоевшие избирателю, стали несменяемыми; непарламентские партии оказались в положении маргинальных организаций. Бессилие всех этих партий закрепило и без того существовавшее в обществе недоверие по отношению к партиям как таковым.

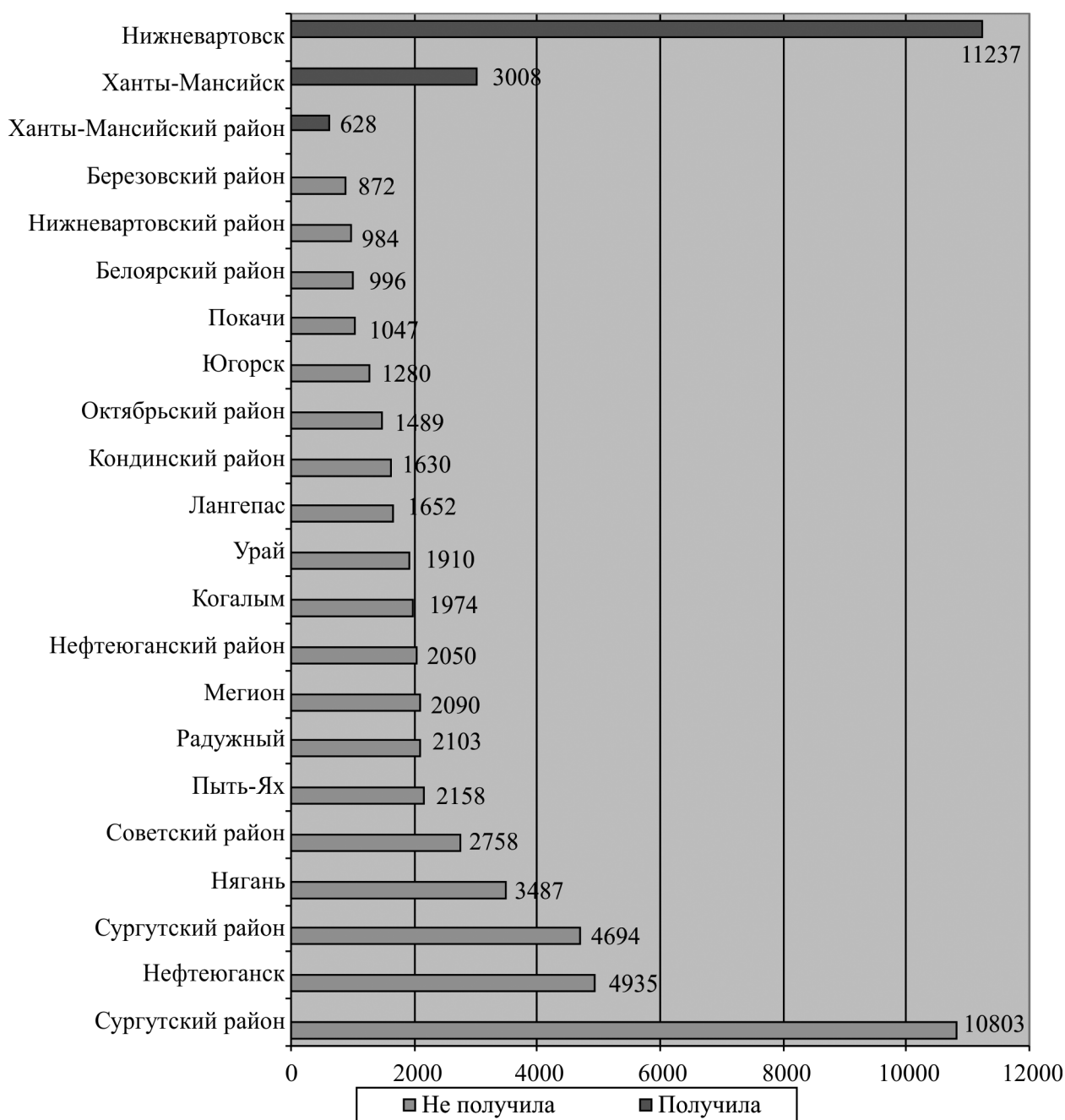
Каким же оказался итог рассмотренных выше процессов? Этот итог достаточно обстоятельно исследован в современной литературе; он состоит в формировании системы партийной гегемонии во главе с «партией власти» и лимитировании пространства политической конкуренции [Гайворонский, Шишорина, 2012; Гельман, 2012; Иванова, 2012; Кынев, 2015; Кынев 2016; Масленникова, 2012; Партийная организация..., 2012; Kynev, 2011; Reuter, 2013; Starodubtsev, 2014].

Настоящая статья посвящена выявлению масштабов этого лимитирования на уровне муниципального и регионального избирательных процессов. В представленном ниже исследовании мы выявили влияние такого фактора, как привлечение партиями парламентской оппозиции деятелей, пользующихся влиянием в обществе, на итоги их участия в региональных и федеральных выборах. Хорошим индикатором такого общественного веса является факт победы политика, выступавшего при поддержке той или иной партии, на местных выборах. Итак, насколько победа на выборах в местное представительное собрание помогла партиям парламентской оппозиции в борьбе за симпатии избирателей на выборах более высокого уровня?

Влияние местных кампаний на региональные выборы

О том, как различается уровень поддержки партийных списков там, где партии сумели провести своих кандидатов, говорят данные, представленные на рис. 1.

Избирательные кампании КПРФ на местах оказали минимальное влияние на поддержку ее партийного списка. Очень ограниченный успех просматривается в Нижневартовске, кото-

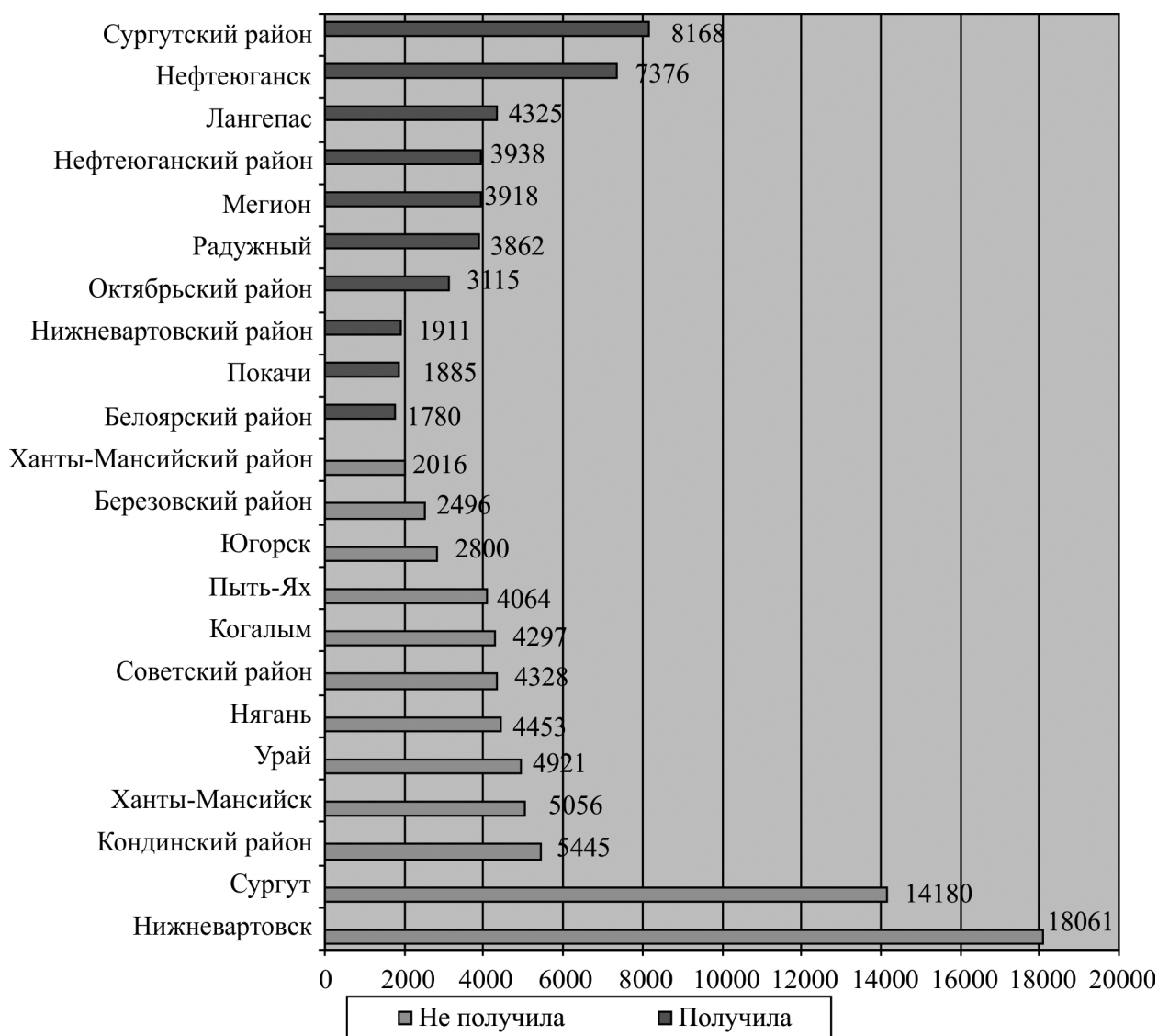
Рисунок 1. Поддержка списка КПРФ на выборах в Думу ХМАО – Югры (в муниципалитетах, где партия получила и не получила мандаты в ходе местных выборов)¹

¹ Здесь и далее данные о количестве голосов взяты на сайте Окружной избирательной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа [Окружная избирательная комиссия... www.izbirkom.khanty-mansiya.ru].

рый будучи несколько меньше Сургута (270 тыс. человек против 340 тыс.) принес партии чуть больше голосов. В Ханты-Мансийском районе, где от КПРФ также были избраны два депутата, ее список получил самый низкий уровень поддержки; этот факт сам по себе не указывает на неудачу КПРФ, поскольку данный район имеет и наименьшее население по сравнению с прочими муниципалитетами. Зато результаты окружной избирательной кампании в Ханты-Мансийске с его населением численностью 96 тыс. человек выглядят как явный провал: партия получила там лишь 3008 голосов против Нягани с ее 57 тыс. жителей и 3487 голосами. К причинам неудач КПРФ в ходе всего избирательного цикла 2011 года мы еще вернемся позднее.

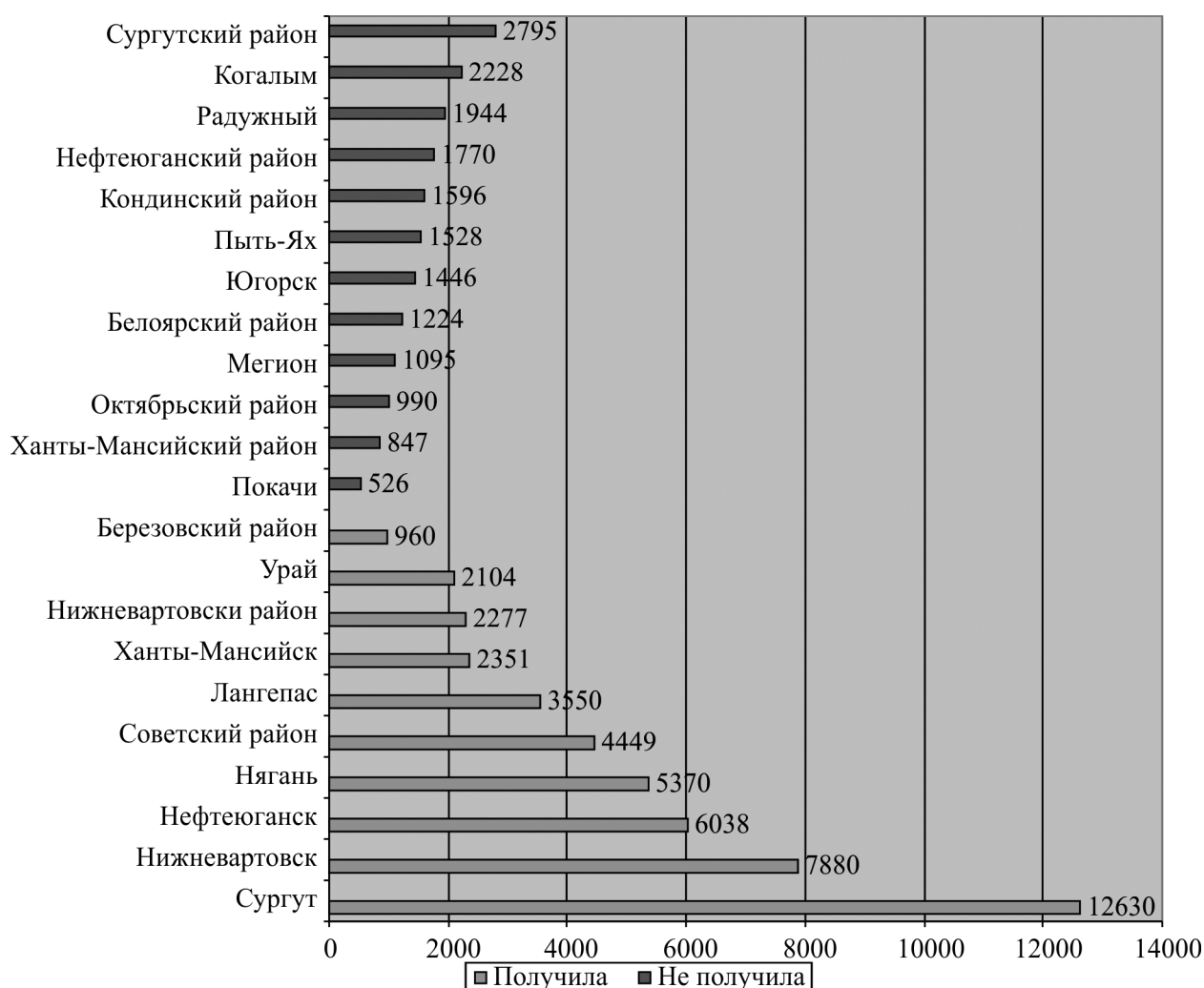
Однозначной корреляции между завоеванием ЛДПР мандата и поддержкой ее партийного списка, на первый взгляд, здесь нет. Тем не менее приведенные на рис. 2 данные говорят о том, что локальные победы, видимо, помогли поднять результат на уровне региональ-

**Рисунок 2. Поддержка списка ЛДПР на выборах в Думу ХМАО –Югры
(в муниципалитетах, где партия получила и не получила мандаты
в ходе местных выборов)**

ных выборов: партийный список ЛДПР в Кондинском, Советском и Березовском районах, где партия провела своих представителей, получил больше голосов, чем в сопоставимом с ними Нижневартовском районе. В Ханты-Мансийском районе ЛДПР удалось добиться даже более высокого результата, чем в Белоярском районе, где население несколько больше, а своего депутата избрать не удалось.

В еще более полной мере удалось реализовать потенциал влияния удачной местной кампании на поддержку списка «Справедливой России» (СР). По данным, приведенным на рис. 3, видно, что поддержка партийных списков там, где партия смогла провести своих депутатов, существенно выше, чем в остальных. Так, в Урае с населением 40 тыс. жителей список партии получил 2104 голоса против 2228 голосов в Когалыме с населением 63 тыс. человек, в Советском районе (население – 48 тыс. человек) партийный список поддержали 4449 избирателей против 2795 в Сургутском районе с населением 122 тыс. человек и т. д.

Рисунок 3. Поддержка списка «Справедливой России» на выборах в Думу ХМАО – Югры (в муниципалитетах, где партия получила и не получила мандаты в ходе местных выборов)

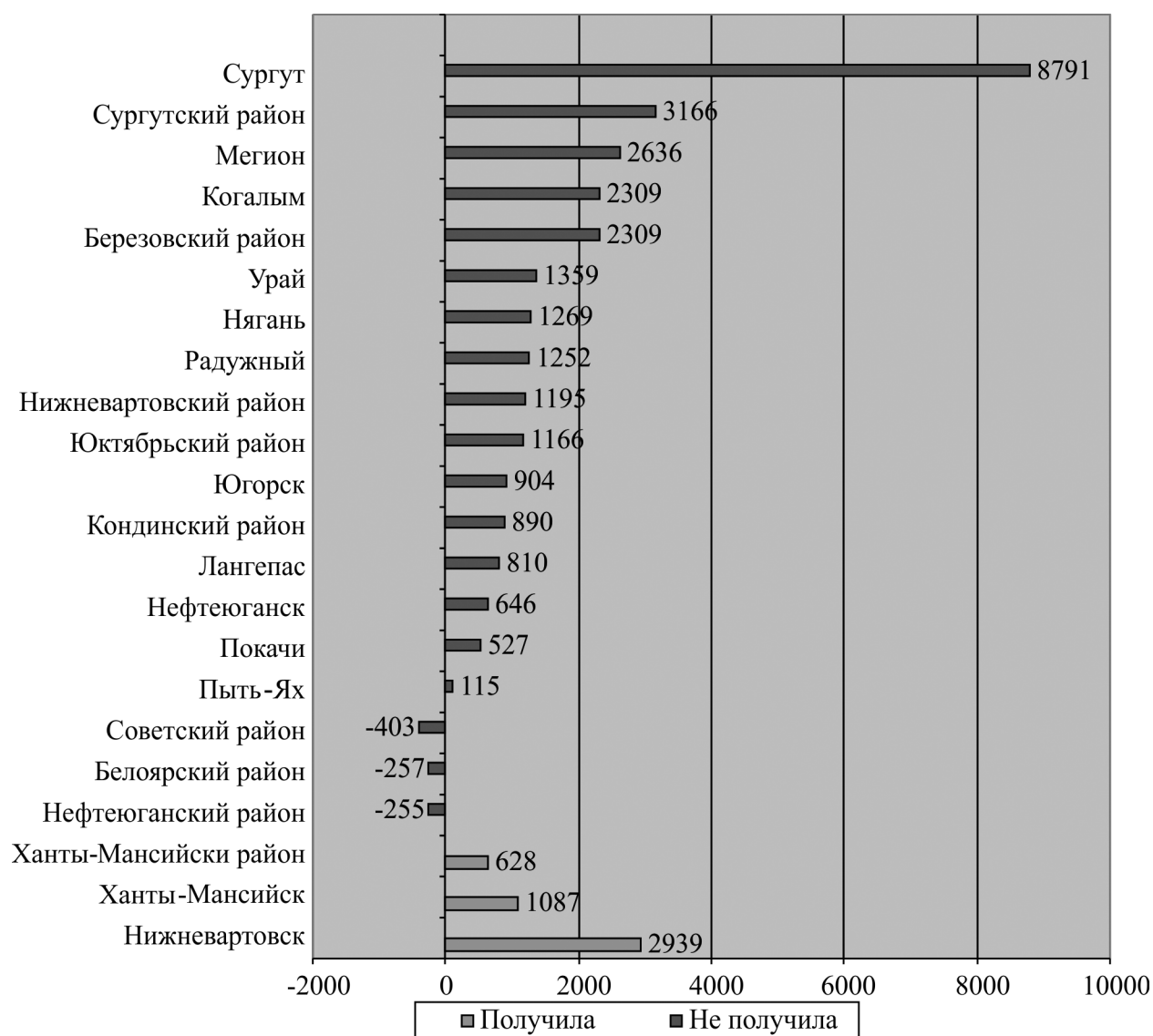
Первое и наиболее очевидное объяснение такого результата – напористая и успешная избирательная кампания СР в ходе и муниципальных, и региональных выборов. Для ее проведения региональному отделению СР удалось привлечь большой объем финансовых средств (только в первом квартале 2011 года его поступления составили 13 млн руб. против 9 млн руб. у ЛДПР и почти 1 млн руб. у КПРФ [Финансовые отчеты региональных отделений..., www]). Кроме того, партии удалось привлечь на местах признанных лидеров общественного мнения, которые к тому же израсходовали порой весьма значительные суммы на проведение собственных избирательных кампаний (например, около полумиллиона рублей потратил на эти цели В.Ш. Салахов, директор одной из известных и престижных школ в Сургуте [Финансовые отчеты кандидатов..., www]). По справедливому наблюдению А. Кынева, таким итогом партия обязана удачно выбранной тактике, позволившей ей аккумулировать протестные голоса [Кынев, 2014, 708]. В ходе этих двух совмещенных кампаний партия сумела получить в общей сложности 39 мандатов в девяти муниципалитетах и три мандата в Думе ХМАО – это почти в два раза больше, чем у двух других оппозиционных партий вместе взятых.

Влияние региональных избирательных кампаний на результаты выборов в Государственную Думу

На приведенных ниже рисунках показано, насколько оппозиционные партии улучшили или ухудшили свой результат на выборах в Госдуму в сравнении с региональными выборами. При этом муниципалитеты, на территории которых проходили выборы, поделены нами на две группы: города и районы, где партиям не удалось провести своих кандидатов в окружную или местную Думу, и города и районы, где партиям удалось провести хотя бы одного кандидата в окружную или местную Думу. Выделяя эти группы, мы, как и ранее, стремились выяснить, как часто депутатам, избранным в ходе региональной и местных кампаний, удавалось добиваться значимого роста поддержки своих партий, который превышал бы рост поддержки на территориях, где партия не смогла обзавестись своими представителями.

Наименьшие успехи в этом деле продемонстрировал сформированный весной 2011г. депутатский корпус КПРФ (рис. 4).

Из 33 083 голосов, которые коммунисты смогли привлечь дополнительно к голосам, полученным на региональной кампании, лишь 4654 голоса (14,06% от общего количества) добавилось в муниципалитетах, где были избраны окружные и местные депутаты. Улучшение результатов в федеральной кампании КПРФ, по сути, было достигнуто усилиями местных отделений крупных муниципалитетов, представленных в пяти верхних строчках диаграммы. В крупнейшем городе ХМАО – Сургуте – не был избран ни один депутат, тем не менее результат в этом городе превзошел успех Нижневартовска, представитель которого прошел от КПРФ в окружную Думу. Примечательно, что даже крайне сложный для агитации Сургутский район

Рисунок 4. Разница в абсолютном количестве голосов, отданных за список КПРФ на выборах в Государственную Думу РФ и в Думу ХМАО от проголосовавших избирателей (в муниципалитетах, где партия получила и не получила мандаты в ходе местных выборов)

с плотностью населения 1,17 человек на км² показал бóльшие успехи, чем тот же Нижневартовск с вдвое большей численностью населения и почти в тысячу раз большей плотностью. Эта ситуация показывает фактическое бездействие депутатского корпуса коммунистов: получив мандаты, депутаты от КПРФ устранились от активной работы на выборах Госдумы.

Дополнительный материал для понимания причин такого результата дает знакомство с финансовой деятельностью КПРФ в последнем квартале 2011 года, на который и приходилась активная фаза кампании по выборам Госдумы. Согласно финансовому отчету [Финансовые отчеты региональных отделений..., www], к началу этого периода КПРФ располагала 1 936 705 руб. Из них за время избирательной кампании было израсходовано 760 546 руб. на приобретение имущества, 967 352 руб. на содержание структурных подразделений, оста-

лись неизрасходованными 1 520 617 руб. На проведение выборов было потрачено 14 990р., т. е. 0,77% (!) от суммы, которой партия располагала.

Не менее красноречиво выглядят данные о финансовой деятельности КППРФ в первом квартале 2011 года [Там же], т. е. в ходе окружной и местных избирательных кампаний. В общей сложности партия в этот период располагала 1 031 755 руб. Из них 831 897 руб. остались неизрасходованными, 113 278 руб. пошли на содержание местных отделений. На подготовку и проведение выборов было израсходовано 25 500 руб., т. е. 2,47% средств. По всей видимости, участие в выборах не было для руководителя регионального отделения (и обладателя мандата окружной Думы) В.С. Валеева приоритетным направлением работы. Сделав все, что от него зависело, для минимизации результата партии в окружной кампании, ее региональное руководство, естественно, не стало прилагать усилия для его улучшения на федеральных выборах.

Данные, характеризующие изменения в уровне поддержки «Справедливой России», напротив, указывают на напряженную борьбу сформированного весной 2011 года депутатского корпуса (рис. 5).

В небольших городах и малонаселенном Советском районе, где партия имела успех весной, результаты ухудшились, зато в трех крупнейших городах, где «Справедливая Россия» смогла получить мандаты, был продемонстрирован значительный прирост поддержки. Материальной основой этого результата была финансовая деятельность партии. Для завоевания мандатов на местных и региональных выборах партия израсходовала 12 171 235 руб. т. е. 90,07% своих средств [Там же].

В четвертом квартале и поступления, и расходы партии на выборы были меньше, но тем не менее они составили солидную сумму 4 204 448 руб. [Там же], т. е. 84,5% от имевшихся в период выборов средств.

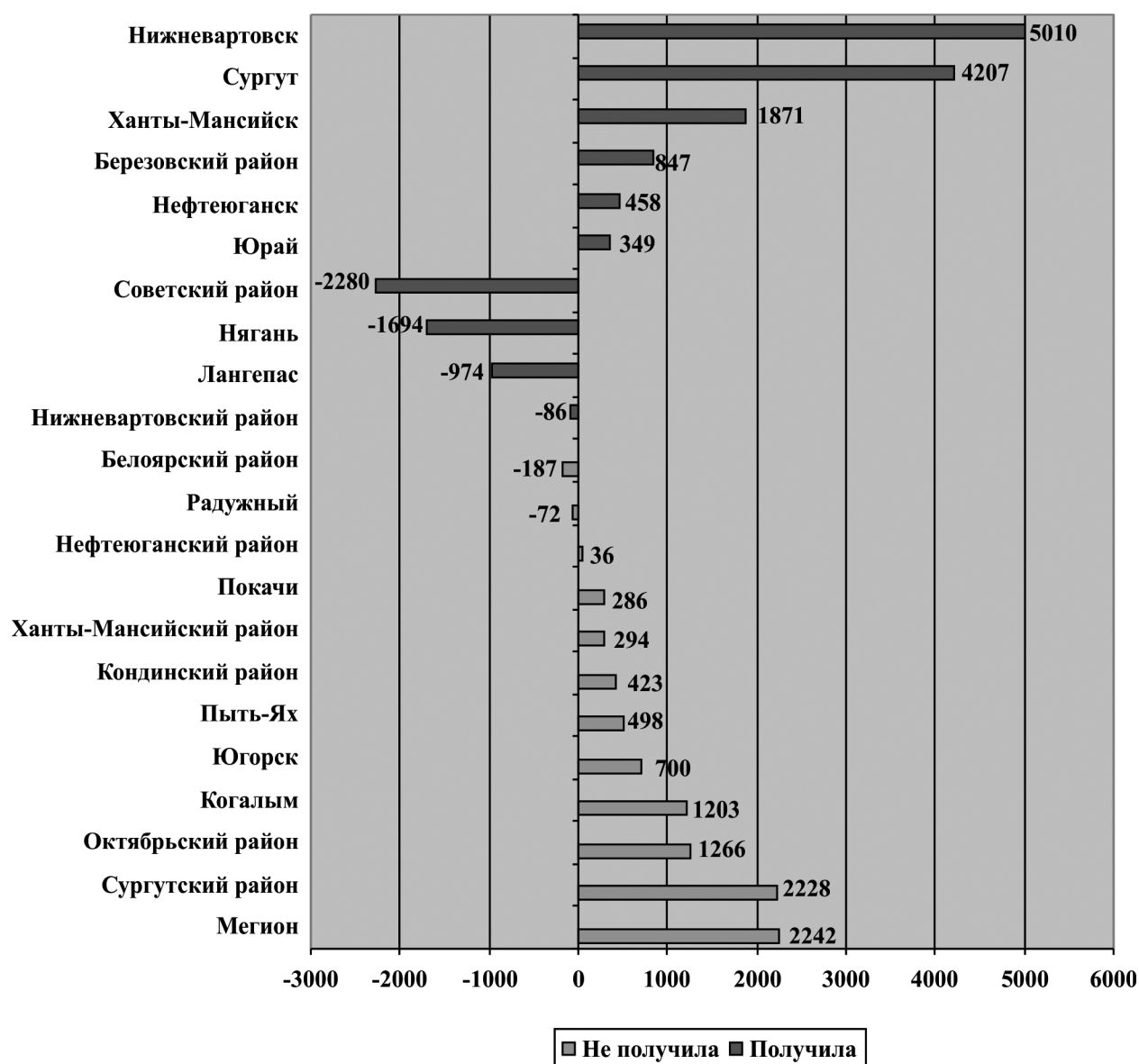
В общей сложности партия сумела привлечь дополнительно 16 625 голосов. Она собрала в муниципалитетах 46,36% от этого числа, где ее кандидаты прошли в состав регионального и местных парламентов.

Схожая картина имеет место и в распределении результатов ЛДПР (рис. 6).

Вложив в избирательную кампанию весны 2011 года 88,09% имевшихся средств (9 942 217 руб.) партия обеспечила себе позиции в нескольких крупных муниципалитетах. Расходы на выборы депутатов Госдумы в регионе оказались значительно скромнее и в абсолютном, и в относительном выражении: 139 000 руб. (31,93%) [Там же].

В результате такого подхода партия сумела увеличить свой результат на 21 291 голос, 68,19% из которых принесло голосование в муниципалитетах, где ЛДПР провела своих кандидатов в местные и региональные представительные собрания. При том, что агитационная кампания ЛДПР была менее энергичной, чем у «Справедливой России», партия сумела сохранить голоса практически во всех муниципалитетах, а в Сургуте добилась впечатляющего роста поддержки.

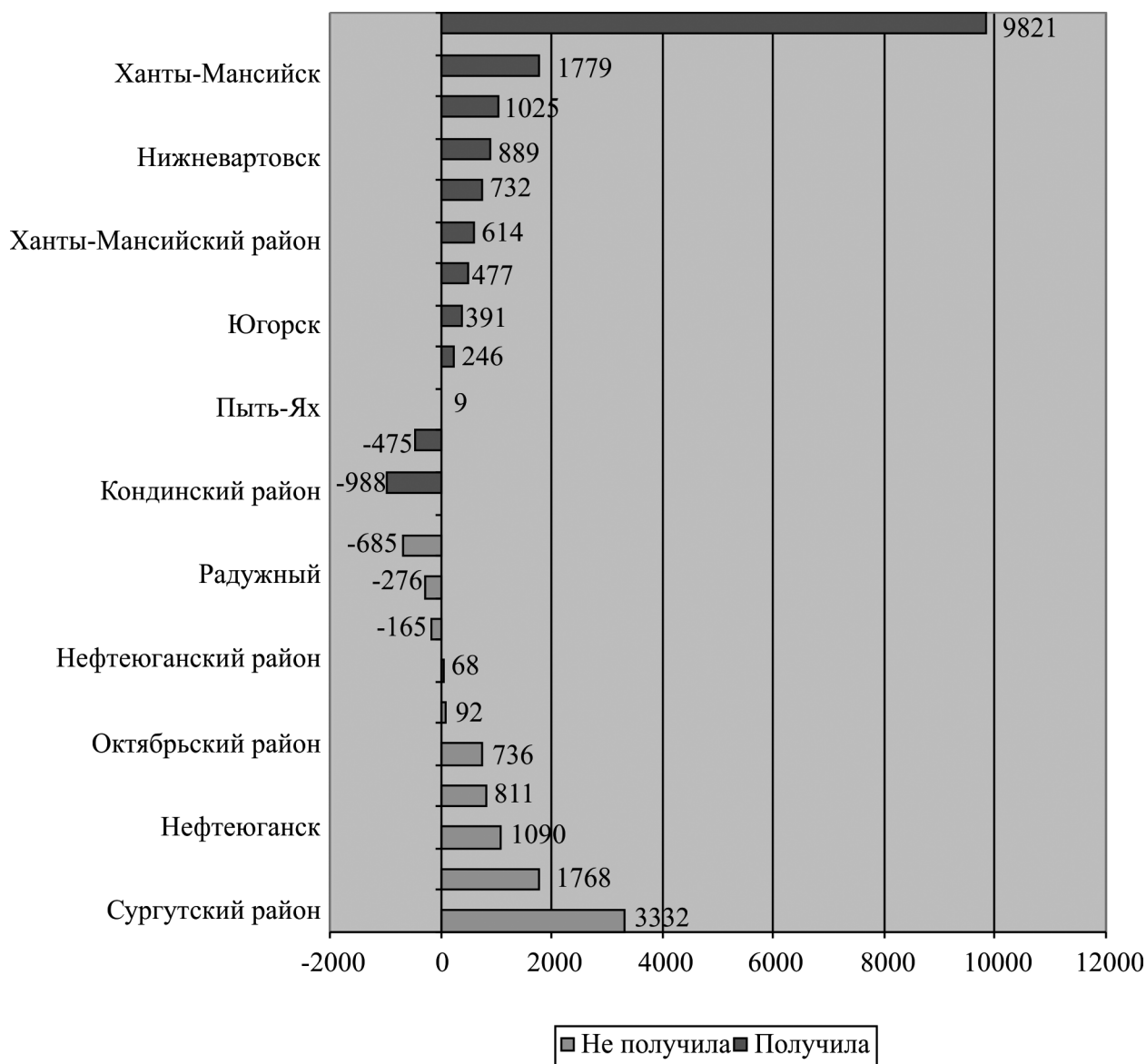
Рисунок 5. Разница в абсолютном количестве голосов, отданных за список «Справедливой России» на выборах в Государственную Думу РФ и в Думу ХМАО от проголосовавших избирателей (в муниципалитетах, где партия получила и не получила мандаты в ходе местных выборов)

Заключение

Обобщенные выше данные позволяют нам сделать некоторые выводы относительно влияния успехов оппозиционных партий в ходе муниципальных выборов на их результаты в избирательных кампаниях регионального и федерального уровней.

Наложение муниципальных выборов на региональные, как показывает статистика выборов марта 2011 года, практически не оказало воздействия на результаты выборов в окружную Думу. Высокие и низкие показатели поддержки того или иного партийного списка наблюдаются в различных муниципалитетах независимо от того,

Рисунок 6. Разница в абсолютном количестве голосов, отданных за список «ЛДПР» на выборах в Государственную Думу РФ и в Думу ХМАО от проголосовавших избирателей (в муниципалитетах, где партия получила и не получила мандаты в ходе местных выборов)

участвовала ли соответствующая партия в выборах городской или районной Думы. Нет и заметной связи между поддержкой партийного списка и степенью интенсивности муниципальной избирательной кампании: высокие и низкие результаты на окружных выборах одинаково часто встречаются и там, где местное отделение партии опережало своих конкурентов из числа оппозиции, и там, где оно оказывалось на последних местах.

Заметное воздействие на поддержку окружного списка давало завоевание мандата в муниципалитете, кроме того, поддержка партийного списка возрастала там, где местные политические лидеры попадали на верхние позиции партийного списка, да-

ющие определенные шансы на их прохождение в состав регионального парламента (так получилось у ЛДПР в Сургуте и у КПРФ в Нижневартовске). Заметим, впрочем, что среди кандидатов из партийных списков распределялась лишь половина мест. В ситуации тотального доминирования правящей партии в одномандатных округах это означает, что голоса, отданные за список любой из оппозиционных партий, сравнительно трудно конвертировались ими в мандаты регионального законодательного собрания, а значит, реальное влияние победы оппозиционера на муниципальных выборах оказывало лишь ограниченное влияние на успехи его партии в масштабах региона.

Что касается влияния этих избирательных кампаний на выборы в Госдуму, оно, напротив, прослеживается весьма отчетливо при условии, что партия и ее депутатский корпус действительно прилагают усилия для увеличения своей поддержки, а не саботируют избирательную кампанию, как это делало, например, региональное отделение КПРФ.

Ключевую роль в данном случае играют успехи партии в завоевании позиций в наиболее крупных муниципалитетах. Необходимой предпосылкой такого успеха является продуманная кадровая политика регионального отделения партии: к началу региональной избирательной кампании в таких муниципалитетах необходимо найти подходящие кандидатуры для включения на первые позиции партийного списка или в мажоритарные округа, дающие наибольшие шансы на успех. В наибольшей степени этой стратегии соответствовали действия «Справедливой России», выставившей на позиции, дающие максимальные шансы, кандидатов из трех крупнейших городов (Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска). Аналогичным образом действовала ЛДПР с двумя кандидатами из крупнейшего в регионе города (Сургут). КПРФ, напротив, отказалась от такого подхода, не включив в верхнюю часть списка ни одного сургутянина.

В целом, возможности оппозиционных партий конвертировать рост поддержки избирателей в рост политического влияния на уровне своего региона оказываются довольно ограниченными в силу самой логики организации партийно-избирательной системы, отражающей интересы доминирующей в ней партии. Несмотря на усилия недоминирующих партий, их доля в региональном и муниципальном депутатском корпусе остается ничтожно малой, а политические возможности, соответственно, еще более ограничены по сравнению с фракциями в Госдуме. По большому счету, эти партии оказываются оттеснены от выполнения традиционных (и основных) функций партийно-избирательной системы, т. е. от артикуляции и выражения общественных настроений и интересов, ротации политической и управленческой элиты и ее рекрутирования и т. п. В этих условиях возможность аккумуляции поддержки избирателей на уровне федерального парламента становится если не единственным, то главным резонансом существования и функционирования их региональных и местных отделений.

Библиография

1. Гайворонский Ю.О., Шишорина А.Ю. Выборы в законодательные собрания субъектов РФ как процесс формирования партийной системы с доминантной партией (на примере выборов 13 марта 2011 г.) // XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 4. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. С. 60-70.
2. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции к иерархии // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 135-152.
3. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4(67). С. 65-88.
4. Иванова М.В. Либерализация партийного законодательства после декабря 2011 года // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. М.: КМК, 2012. С. 139-144.
5. Кынев А.В. Выборы региональных парламентов в России 2009-2013: От партизации к персонализации. М.: Панорама, 2014. 728 с.
6. Кынев А.В. Обновленная электоральная политика Кремля и регионы: старое и новое // Неприкосновенный запас. 2015. № 5(103). С. 21-36.
7. Кынев А.В. Российские выборы 2016: предсказуемая кампания с непредсказуемыми результатами // Неприкосновенный запас. 2016. № 6(110). С. 57-74.
8. Масленникова С.В. Политическая конкуренция и ее недопущение, ограничение и устранение в России // Народовластие и права человека: материалы IV Международной научно-практической конференции. М.: РАП, 2012. С. 178-187.
9. Окружная избирательная комиссия Ханты-Мансийского автономного округа URL: <http://www.izbirkom.ru/region/khantu-mans>
10. Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах. М.: РОССПЭН, 2012. 300 с.
11. Финансовые отчеты региональных отделений политических партий в ХМАО за первый квартал 2011 г. URL: <http://ikhmao.ru/oldsite/kfpp/2011-1-otch.htm>
12. Финансовые отчеты кандидатов в депутаты Сургутской городской Думы V созыва. URL: http://tik.admsurgut.ru/?page_id=1417
13. Kynev A. The Limits of Managing Russia's Party System // Russian Analytical Digest. 2011. No. 106. P. 14-18.
14. Reuter J.O. Regional patrons and hegemonic party electoral performance in Russia // Post-Soviet Affairs. 2013 Vol. 29. No. 2. P. 101-135.
15. Starodubtsev A. Agency Matters. The Failure of Russian Regional Policy Reforms // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2014. Vol. 22. No. 4. P. 553-574.

**Personalization of the electoral process as a competitive resource
of the parliamentary opposition in the electoral process
in the region (by the example of the elections
in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, 2011)**

Vasilii V. Markhinin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of political science and law,
Surgut State University,
628412, 8 Energetikov st., Surgut, Russian Federation;
e-mail.ru: textref@rambler.ru

Viktoriya S. Purtova

Senior lecturer,
Department of political science and law,
Surgut State University,
628412, 8 Energetikov st., Surgut, Russian Federation;
e-mail.ru: viktoriya-purtova@yandex.ru

Viktoriya Yu. Utenkova

Member of the youth branch of the Russian society of political scientists;
e-mail: viktoriya-utenkova@mail.ru

Nadezhda V. Ushakova

PhD in History, Associate Professor,
Department of political science and law,
Surgut State University,
628412, 8 Energetikov st., Surgut, Russian Federation;
e-mail.ru: ushakova_nv@rambler.ru

Abstract

The article considers the question of the impact of personalized participation of the parties of the parliamentary opposition in the electoral process on their success in political competition in the elections of the regional Parliament and the State Duma. The paper discusses the features of the results obtained by the parties "Spravedlivaya Rossiya", CPRF and LDPR in

regional and federal elections in the municipalities where these parties managed to form their parliamentary body during the elections of local representative assemblies. The analysis material of the identified problem was obtained during the full study of election campaigns in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2011.

For citation

Markhinin V.V., Purtova V.S., Utenkova V.Yu., Ushakova N.V. (2016) Personalizatsiya izbiratel'nogo protsessa kak konkurentnyi resurs parlamentskoi oppozitsii v elektoral'nom protsesse regiona (na primere vyborov v Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge 2011 g.) [Personalization of the electoral process as a competitive resource of the parliamentary opposition in the electoral process in the region (by the example of the elections in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, 2011)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 5 (6A), pp. 214-229.

Keywords

The parliamentary opposition, the personalization of the electoral process, electoral success, local elections, regional elections, the electoral process.

References

1. *Finansovye otchety kandidatov v deputaty Surgutskoi gorodskoi Dumy V sozyva* [Financial reports of candidates of the Surgut Municipal Duma of V convocation]. Available at: http://tik.admsurgut.ru/?page_id=1417 [Accessed 7/11/16].
2. *Finansovye otchety regional'nykh otdelenii politicheskikh partii v KhMAO za pervyi kvartal 2011 g.* [Financial reports of regional branches of political parties in KHMAO for the first quarter of 2011]. Available at: <http://ikhmao.ru/oldsite/kfpp/2011-1-otch.htm> [Accessed 7/11/16].
3. Gaivoronskii Yu.O., Shishorina A.Yu. (2012) Vybory v zakonodatel'nye sobraniya sub"ektov RF kak protsess formirovaniya partiinoi sistemy s dominantnoi partiei (na primere vyborov 13 marta 2011 g.) [Elections to the legislative assemblies of constituent entities of the Russian Federation as the process of formation of the party system with a dominant party (by the example of elections on March 13, 2011)]. *XIII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Kn. 4* [XIII April international scientific conference on problems of development of economy and society. Vol. 4]. Moscow: Higher School of Economics, pp. 60-70.
4. Gel'man V.Ya. (2008) Politicheskie partii v Rossii: ot konkurentsii k ierarkhii [Political parties in Russia: from competition to hierarchy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 5, pp. 135-152.

5. Gel'man V.Ya. (2012) Rastsvet i upadok elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii [The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia]. *Politiya* [Political theories], 4(67), pp. 65-88.
6. Ivanova M.V. (2012) Liberalizatsiya partiinogo zakonodatel'stva posle dekabrya 2011 goda [The liberalization of party legislation after December 2011]. *Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra* [Parties and elections: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: KMK Publ., pp. 139-144.
7. Kynev A.V. (2014) *Vybory regional'nykh parlamentov v Rossii 2009-2013: Ot partizatsii k personalizatsii* [Elections of regional parliaments in Russia 2009-2013: from party to personalization]. Moscow: Panorama Publ.
8. Kynev A.V. (2015) Obnovlennaya elektoral'naya politika Kremlya i regiony: staroe i novoe [Updated electoral politics of the Kremlin and the regions: the old and the new]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ], 5(103), pp. 21-36.
9. Kynev A.V. (2016) Rossiiskie vybory 2016: predskazuemaya kampaniya s nepredskazuemyimi rezul'tatami [Russian elections 2016: predictable campaign with unpredictable results]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ], 6(110), pp. 57-74.
10. Kynev A. (2011) The limits of managing Russia's party system. *Russian analytical digest*, 106, pp. 14-18.
11. Maslennikova S.V. (2012) Politicheskaya konkurentsia i ee nedopushchenie, ogranichenie i ustranenie v Rossii [Political competition and its prevention, restriction and elimination in Russia]. *Narodovlastie i prava cheloveka. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konkurentsii* [Proc. of the IV International scientific and practical competition "Democracy and human rights'v]. Moscow: RAP Publ., pp. 178-187.
12. *Okruzhnaya izbiratel'naya komissiya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga* [District Election Commission of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. Available at: <http://www.izbirkom.ru/region/khantu-mansy> [Accessed 7/11/16].
13. *Partiinaya organizatsiya i partiinaya konkurentsia v "nedodemokraticeskikh" rezhimakh* [Party organization and party competition in the "non-democratic" modes] (2012). Moscow: ROSSPEN Publ.
14. Reuter J.O. (2013) Regional patrons and hegemonic party electoral performance in Russia. *Post-Soviet affairs*, 29 (2), pp. 101-135.
15. Starodubtsev A. (2014) Agency matters. The failure of Russian regional policy reforms. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet democratization*, 22 (4), pp. 553-574.